

— Зачем? — Чжао Цинфэн сначала был ошеломлён столь яростной реакцией Цинь Хуаня. Глядя на этого человека, в его сердце вдруг возникло что-то знакомое, словно давно забытое чувство. Но затем он покачал головой и тихо рассмеялся, как бы насмехаясь над собой. — Конечно, ради моих личных интересов.

Цинь Хуань поднял голову, с лёгким недоумением глядя на него. Личные интересы?

Чжао Цинфэн, словно отвечая ему, а возможно, просто размышляя вслух:

— Моя личная цель — увидеть, как государство Да Ци останется стабильным ещё на сотню лет. По крайней мере, чтобы оно не рухнуло до того, как я закрою глаза.

«Я хочу увидеть, как негодяи попадут в кипящее масло, как двор снова станет чистым, а мир — спокойным. Только тогда, закрыв глаза, я смогу спокойно встретиться с ним».

Цинь Хуань наконец подавил внутреннюю борьбу и твёрдо кивнул:

— Хорошо.

Если не получается оттолкнуть его далеко, лучше сражаться плечом к плечу. Даже если в конце концов потерпишь поражение и умрёшь, не будет сожалений.

Он встал рядом с Чжао Цинфэном, хотя всё ещё был слаб, но в нём чувствовалась несокрушимая сила:

— Ты прав, я не могу смириться.

— Я не могу смириться с тем, что наследие предков Да Ци будет разрушено их руками, не могу смириться с тем, что проживу жизнь в бездействии, позволяя другим топтать себя. — Цинь Хуань оставил последнюю фразу при себе, не произнеся её вслух. — Поэтому я готов вместе с верным князем Чжуннин устранить негодяев и восстановить порядок в мире.

В ту ночь Цинь Хуань так и не рассказал Чжао Цинфэну о своём возрождении.

Хотя он узнал, что тот не стал настоящим пьяницей и льстецом, угождающим власть имущим, в сердце Цинь Хуаня всё ещё оставались сомнения.

Возможно, он пришёл лишь потому, что его кровь, преданная долгу, не позволила ему смотреть, как Да Ци рушится, а не потому, что всё ещё помнит о нём?

Возможно, за эти шестнадцать лет он уже отпустил прошлое, так зачем же снова открывать старые раны и требовать воссоединения?

Хотя в глубине души он всегда тайно радовался, Цинь Хуань постоянно сомневался и предостерегал себя: не торопиться, подождать. Ведь теперь они стали союзниками, и впереди ещё много времени, чтобы понять, остались ли старые чувства.

Он сдерживал улыбку, и даже рана на груди казалась менее болезненной. Вскоре он нашёл Дэ До, который искал его повсюду, и вернулся в боковой двор дворца.

К сожалению, радость обернулась печалью. После всех этих событий стрелчатая рана Цинь Хуаня, которая ещё не зажила, снова обострилась, и той же ночью у него поднялась температура.

Он болел ещё около десяти дней, и Чжао Цинфэн, как союзник, часто отправлял к нему телохранителя по имени Ван Дэ, чтобы принести лекарства.

Каждый раз, когда это происходило, настроение Цинь Хуаня улучшалось на несколько дней, и первоначальная подавленность после возрождения постепенно уходила. Тело восстанавливалось быстрее, чем раньше.

Прошло ещё несколько дней, и Цинь Хуань по-прежнему оставался во дворе, залечивая раны, но Дэ До принёс ему новость: императорский двор готовится вернуться в столицу.

Услышав это, Цинь Хуань опустил глаза, но в его взгляде вспыхнул огонёк.

Наконец-то возвращение в столицу. Всё должно начаться.

Хотя и готовились к возвращению, в северном походе участвовали император, его гарем, министры, различные слуги и охрана. Даже если не считать солдат, которых Чжао Цинфэн вызвал с северо-запада для защиты, их число превышало 10 000 человек.

С таким количеством людей, а также необходимостью защищаться от беглых повстанцев и постоянно охранять императора, скорость передвижения была крайне низкой, и они останавливались почти в каждом городе.

Даже при такой медленной скорости, для Цинь Хуаня, который всё ещё восстанавливался, путь был слишком утомительным. Он старался быть как можно более незаметным, избегая встреч с людьми, сосредоточившись на восстановлении.

Продвигаясь на юго-восток, через полмесяца они наконец достигли округа Уду на юго-восточной границе Лянчжоу. Город Уду был важным пунктом на границе между Лянчжоу и Ичжоу, поэтому после обсуждения решили задержаться здесь на несколько дней, чтобы дать отдых людям и лошадям.

Но именно в эти дни отдыха произошло важное событие.

— Разведчики, посланные для преследования беглых повстанцев, сообщили, что основные силы мятежников сейчас скрываются в горах примерно в ста ли к востоку от Уду. Есть подозрения, что они готовятся к новому нападению. — В импровизированном зале для совещаний в управлении Уду император Цинь Юй сидел за столом, выглядевший растерянным.

Министры, всё ещё напуганные недавним мятежом во дворце, тихо обсуждали, но первый министр Хэ Уцин спокойно смотрел на генерала Лю Ху, который принёс сообщение, и после короткого размышления спросил:

— Кто сейчас командует повстанцами?

Лю Ху нервно взглянул на Цинь Цзюня и нерешительно ответил:

— Это... бывший генерал Фэйвэй Ху Боюн...

— Негодяй! — Цинь Цзюнь чуть не опрокинул стол перед собой. Всем известно, что Ху Боюн был когда-то доверенным генералом его отца, князя Цзи. Теперь он стал лидером повстанцев, что было прямым ударом по его репутации!

— Я сам схвачу его!

— Ваше высочество, нельзя! — Цинь Цзюнь был в ярости, желая немедленно разорвать Ху Боюна на части. Министры в зале не могли его остановить, и вот-вот всё превратилось бы в хаос, когда Хэ Уцин громко кашлянул, и все сразу замолчали.

— Ваше высочество, ваша преданность и сыновняя почтительность достойны восхищения, но не стоит так торопиться. — Хэ Уцин спокойно оглядел всех, и Цинь Цзюнь тоже успокоился, с трудом сохраняя достоинство. — Тогда что же, по вашему мнению, нам делать, господин первый министр?

Хэ Уцин слегка улыбнулся:

— По моему мнению, повстанцы сейчас — это всего лишь беглецы, не представляющие угрозы. Вам не стоит так беспокоиться.

— К тому же, в нашей армии ещё есть талантливые генералы, способные вести войска. Зачем вашему высочеству рисковать собой?

Цинь Цзюнь почувствовал себя ещё более неловко под взглядом Хэ Уцина, но затем вспомнил, что его отец отсутствует, и он, как глава военных, должен решать вопросы командования. Поэтому он снова обрёл уверенность:

— Господин первый министр прав. Я думаю, можно назначить молодых генералов Вэй Иня и Цянь Дуна, а также опытного генерала Лю Ху.

Хэ Уцин кивнул, но его взгляд упал на Чжао Цинфэна, который всё это время молчал, и, увидев, что тот никак не реагирует, сказал:

— Тогда давайте также отправим молодых генералов Гуань Фэна и Вэй Сюня. Таким образом, мы сможем разделить силы и заодно потренировать войска.

Цинь Цзюнь сразу же возмутился. Хотя Гуань Фэн и Вэй Сюнь не принадлежали к одной армии, они были генералами, которых Хэ Уцин воспитывал в последние годы, чтобы противостоять фракции князя Цзи.

— Господин первый министр действительно мудр, используя повстанцев для тренировки войск... Тогда, чтобы поднять боевой дух, давайте устроим соревнование между этими генералами. Кто первым отрубит голову предводителю мятежников, тот и победит!

Хэ Уцин, словно вдохновлённый его энтузиазмом, хлопнул в ладоши и рассмеялся:

— Пусть будет так, как сказал ваше высочество. Но... раз уж тренируем войска, почему бы не дать шанс и другим генералам, которые хотят проявить себя.

Сказав это, он снова посмотрел на Чжао Цинфэна, который всё это время молчал. С того момента, как Чжао Цинфэн появился, Хэ Уцин не переставал подозревать его. В конце концов, он был человеком бывшего наследного принца. Кто знает, с какой целью он появился сейчас.

Во дворце Сюанью Хэ Уцин ушёл чуть раньше, и, к его удивлению, Цинь Цзюнь позволил Чжао Цинфэну отправиться в столицу. Это заставило его насторожиться. Поэтому, используя дело Ху Боюна, он решил испытать Чжао Цинфэна. Если тот действительно отпустил прошлое, то всё в порядке. Если же нет, он не поверит, что Чжао Цинфэн останется равнодушным к тому, кто отравил Цинь Хуаня.

На самом деле, несколько дней назад он уже получил письмо о капитуляции от Ху Боюна. Если Чжао Цинфэн попросит возглавить войска, он прикажет Ху Боюну, Гуань Фэну и Вэй Сюню окружить его и уничтожить эту угрозу.

— Кстати, повстанцы действительно дерзки. Когда-то их лидер Ху Боюн получил приказ уничтожить тело наследного принца Чжаосина, чтобы избавиться от чёрного колдовства, и сжёг его дотла. — Министр ритуалов, действуя по указанию Хэ Уцина, как бы между прочим рассказал. — Я слышал, что Ху Боюн, чтобы оскорбить двор, использовал пепел наследного принца как благовония в армейской курильнице.

— Как такое возможно! Даже если наследный принц Чжаосин был виновен, он всё же член императорской семьи Да Ци. Как можно допустить такое оскорбление! — Хэ Уцин сделал вид, что шокирован и огорчён. Он не верил, что Чжао Цинфэн сможет сдержаться после этого.

Кто заставил вас обоих быть такими скрытными и утаить по одной фразе? Сами виноваты, что не смогли сразу узнать друг друга~

Но уже скоро~~~

<http://bllate.org/book/16488/1498054>